

Кристофер Прист

Груда камней

*Часть сборника
Архипелаг Грез (сборник)*

Кристофер Прист

Груда камней

«ЭКСМО»

1980

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Прист К.

Груда камней / К. Прист — «Эксмо», 1980

«Прибрежный остров Сивл, словно мрачная тень сожаления, лежит на воспоминаниях моего детства. Остров, лежавший чуть в отдалении от побережья Джетры, был виден всегда...»

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© Прист К., 1980
© Эксмо, 1980

Кристофер Прист

Груда камней

Copyright © 1999 by Christopher Priest

© М. Казанская, М. Клеветенко, М. Павлова, перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Э“», 2017

* * *

Как и все мечтатели, я путаю разочарование с истиной.
Жан-Поль Сартр

Прибрежный остров Сивл, словно мрачная тень сожаления, лежит на воспоминаниях моего детства.

Остров, лежавший чуть в отдалении от побережья Джетры, был виден всегда. Порой очертания его размывали низкие штормовые облака, а иногда казалось, что он так близко, что можно добросить мяч; темный, неровный контур четко вырисовывался на фоне южного неба. Поскольку под водой остров составлял единое целое с материком, ландшафт Сивла не сильно отличался от гористой местности вокруг Джетры, но объединяло их не только это. Словно члены одной большой семьи, жители города и жители острова постоянно рассказывали друг о друге разные истории. Мы, например, говорили, что наши предки сбрасывали ненужные им камни в море, и вскоре их набралось так много, что образовался остров.

Близость Сивла и Джетры неминуемо привела к созданию между ними прочных связей – настоящих семейных уз, торговых соглашений и многолетних союзов. Однако, хотя Сивл был прибрежным островом Джетры, формально он являлся частью Архипелага Грез. С началом войны сообщение между островом и материком было запрещено и допускалось только по особому решению Сеньории. Тем не менее, в нарушение всех запретов, между ними каждый день курсировал паром, открыто и не без выгоды. Чиновники смотрели на это сквозь пальцы, ведь торговля была полезна Джетре, а Сивлу так просто необходима.

В детстве мне приходилось бывать на Сивле много раз. Три, а то и четыре раза в год мы отправлялись в короткие поездки, чтобы навестить моего дядю и тетю.

Прошло двадцать лет с моего последнего посещения Сивла и шестнадцать – с момента отъезда из Джетры. Меня тогда ждал университет Старого Хэйдла, и мне больше незачем было возвращаться в родной город.

Все эти годы заняло скольжение по поверхности жизни среди маленьких удач и скромных достижений. Однако у меня было хорошее образование, а преподавание оказалось весьма интересным занятием. К тому же так мне удалось избежать военной службы; сейчас, в возрасте тридцати восьми лет, призыв мне уже не грозил. По нынешним законам учителя освобождались от армии, и меня, невзирая на угрызения совести, не покидала уверенность, что в области образования я приношу гораздо больше пользы, чем на военной службе.

Так что профессиональная моя жизнь более или менее состоялась. В личной жизни определенности было гораздо меньше. Возвращение в Джетру с маячившим среди вод островом Сивл вновь всколыхнуло во мне воспоминания.

Когда-то Джетра была столицей нашей страны, но из-за войны правительство и большинство учреждений разъехались по более новым и менее уязвимым городам в глубине материка. Какие-то признаки государственной власти в Джетре еще оставались, хотя дворец

Монсеньора давно опустел, а здание сената, как и многие другие, серьезно пострадало от вражеских бомбежек в самом начале войны. Тут по-прежнему занимались рыболовством, работали железнодорожная станция, кой-какая легкая промышленность, больницы, военные органы и международные организации, но большая часть горожан, не имеющих отношения к военной промышленности, уехала. Джетра превратилась в огромный полуразрушенный город-призрак.

Возвращение в место, где прошло детство, всегда навевает воспоминания, и здесь, в Джетре, мне сразу вспомнились отец с матерью, наш дом, школа, давно потерянные друзья... и регулярные поездки на остров Сивл.

Сознание воскресило образы прошлого, неизбежно напомнив о том, как сильно время меняет человека. Стоило лишь сесть в поезд до Джетры и окунуться в воспоминания. Мне не терпелось снова увидеть старый город, хотя предстоящая поездка на остров немного пугала. Однако сомнений не было: раз повод для нее появился спустя два десятка лет – значит, у меня есть отличная возможность вернуться и встретиться со своим прошлым лицом к лицу.

В детстве Сивл казался всем, особенно школьникам, зловещим. Не было угрозы страшней «Смотри, отправлю тебя на Сивл». В нашем детском воображении остров населяли жуткие чудища и ползучие твари, земля пестрила глубокими расщелинами и вулканическими озерами, повсюду грозили ядовитые туманы, дымящиеся кратеры и осыпающиеся скалы. Богатое воображение рисовало мне эту картину ничуть не менее красочно, чем другим детям, но, в отличие от них, мне дарована была редкая для того возраста способность видеть мир одновременно с разных точек зрения.

Сивл был знаком мне не понаслышке, и реальность пугала не меньше воображения, однако страхи эти не имели ничего общего с детскими страшилками.

Мои отец и мать – оба уроженцы Джетры. Других детей у них не было, если не считать сестры, умершей за год до моего рождения, посему мое появление на свет было исключительно желанным, а вся жизнь окружена любовью и заботой, порой доходящими до фанатизма, причины которых долго оставались загадкой. Теперь, когда пришло понимание, сочувствие к родителям наполняло мое сердце, но не умаляло того факта, что вплоть до совершеннолетия ко мне относились будто к какой-то драгоценности, которая может быть похищена, разбита или испорчена, стоит лишь на миг потерять бдительность. Пока мои ровесники шлялись после школы на улице, влипали в разные истории, экспериментировали с алкоголем, наркотиками и сексом или просто хулиганили, мне приходилось сидеть дома, довольствуясь друзьями родителей и их интересами. Бунт был чужд мне, возможно, из-за нехватки знаний и опыта. Однако случалось и так, что немая покорность воле родителей давалась через силу, лишь из чувства долга. Первенство в тяготивших меня обязанностях занимали регулярные поездки к брату отца на Сивл.

Дядя Торм был на несколько лет младше отца, но женились они примерно в одно и то же время – в нашей гостиной стояла фотография двух братьев со своими невестами. Узнать на этом фото отца, мать и дядю в молодости не составляло труда, однако потребовались годы, чтобы понять, что молодая симпатичная женщина, держащая Торма под руку, – моя тетя Алви.

На фотографии она улыбалась, чего никогда не случалось в жизни, а одета была в веселое платье в цветочек, а не в обычную для нее старую ночную сорочку и залатанный кардиган. Раньше ее короткие волосы вились, приятно обрамляя лицо, а теперь висели жирными седыми паклями. Девушка на фото стояла рядом со своим новоиспеченным мужем, кокетливо приоткрыв одну коленку, а моя тетя Алви была прикованной к кровати калек.

Вскоре после свадьбы Торм и Алви переехали на Сивл. Торм получил место в духовной семинарии, расположенной в самом отдаленном уголке острова. Полагаю, тамошним свя-

щенникам долго не удавалось нанять хоть кого-то, ведь иначе было совершенно непонятно, почему Торму предложили эту работу и почему он – человек, имеющий весьма смутные представления о вере, сразу согласился за нее взяться. И я доподлинно знаю, что известие об этом послужило поводом для пусть и короткой, но сильной ссоры между ним и моим отцом.

Торм и Алви уже обзавелись на Сивле ребенком, когда война неожиданно стала принимать куда более серьезный оборот и сделала невозможным их возвращение в Джетру. К тому времени, как боевые действия вновь стихли, сменившись изнуряющими мелкими стычками, и возобновилось сообщение между островом и материком, тетя Алви заболела и не могла передвигаться.

Как раз тогда, во время ее долгой болезни, и начались наши двухдневные поездки на остров.

Мне они всегда казались невероятно мрачными и унылыми – что может быть хуже холодного, продуваемого всеми ветрами острова и долгого пути на машине к маленькому темному дому на краю болота, дому, в котором вся жизнь крутилась вокруг постели больной тети и где все разговоры сводились в лучшем случае к обсуждению других наших родственников, а в худшем к болезни, боли и напрасным надеждам на чудесное выздоровление.

Единственным, что должно было облегчать эти поездки и служило родителям предложением брать меня с собой, была дочь Торма и Алви – моя кузина Серафина. Предполагалось, что мы должны сдружиться. Серафина, старше меня на год с хвостиком, оказалась упитанной девочкой, лишенной всякого воображения и не видящей дальше своего носа. Нам было совершенно неинтересно вместе, хоть нас и вынуждали постоянно проводить время в компании друг друга. Перспектива вновь встретиться с ней ничуть не облегчала мне те поездки, скорее наоборот – при воспоминании о проведенных вместе бесконечно скучных часах ехать туда хотелось еще меньше.

...У поезда меня встречала женщина-полицейский в знакомой униформе Сеньории. Вид у нее был самый недружелюбный. Во время разговора она едва удостоила меня взглядом.

– Вы Ленден Крос?

– Да.

– Я сержант Рит. – Она показала мне удостоверение личности в кожаной обложке: цветная фотография, государственная печать, имя, номер и неразборчивая подпись. – Я буду вас сопровождать.

– Меня предупредили, что придется отметить в полиции. Я сделаю это завтра, перед тем как покинуть Джетру.

– Вы уезжаете из страны.

– Лишь временно.

– Путешествовать без сопровождения запрещено.

– Всего лишь небольшое семейное дело. Едва ли есть нужда...

Она взглянула на меня с нескрываемым безразличием. Полагаю, у нее имелся приказ и никакие возражения не могли ничего изменить.

– Так с чего мы начнем? – Такое развитие событий сбilo меня с толку. Планы мои до сего момента заключались в том, чтобы прогуляться до доков и посмотреть, не удастся ли найти там недорогое жилье на одну ночь. Мой коллега по школе назвал мне улицу, где, по его словам, располагались дешевые отели. Затем можно было бы поискать пару-тройку старых друзей из тех, кто, насколько мне известно, еще не покинул город.

– Для вас все подготовлено, – сказала сержант Рит. – Джетра является военной зоной.

– Разумеется, я знаю. Как это повлияет на мою короткую поездку на остров Сивл?

– Гражданским лицам подобные поездки запрещены.

– У меня другие сведения. Мне выдали выездную визу. В соответствии с ней я могу покинуть Джетру и въехать обратно в течение семи дней. На самом деле я планирую провести на острове не более двух дней...

И снова в ее глазах не зажглось и искры интереса.

– Пожалуйста, садитесь в машину, – сказала она.

Сержант Рит открыла заднюю дверцу и бросила на сиденье мою сумку. В голове пронеслось: интересно, от меня тоже требуется сесть назад, будто я под арестом?.. Она села за руль, я – рядом на пассажирское сиденье.

– Куда поедем?

– Паром отправится на остров лишь завтра утром. Мы переночуем в отеле «Гранд Шор», – ответила она.

– В мои планы входило что-то подешевле.

– Номер уже забронирован. Решение принимала не я.

Она выехала с привокзальной площади и свернула на главную дорогу, ведущую к центру города. За окном проплывали здания.

Моя семья жила в пригороде, в местечке под названием Энтаун, раскинувшемся вдоль побережья к востоку от города, поэтому центр Джетры всплывал в моей памяти лишь частично: знакомые дома, названия улиц, парки и скверы. Порой они пробуждали во мне смутные и невнятные, но тревожные ассоциации. В детстве центр города воспринимался мной как место, где работал отец и куда порой выбиралась мать за покупками. Эти улицы были их стихией, не моей. Сейчас город выглядел заброшенным, всеми забытым: многие дома так и не восстановили после бомбежек и взрывов, многие стояли заколоченными. Некоторые районы враг целиком сровнял с землей. Транспорт почти не ездил: лишь грузовики, автобусы, несколько машин – все старых моделей, неухоженные и залатанные. На удивление много конных повозок.

На перекрестке мы ненадолго остановились.

– Вы живете в Джетре? – Мой голос нарушил воцарившееся между нами молчание.

– Нет, – сказала сержант Рит.

– Вы отлично знаете дорогу.

– Я приехала утром, хватило времени осмотреться. В полиции учат ориентироваться на местности.

Мне показалось, что ее обучение было совсем недолгим и в полиции она недавно – слишком молодая.

Машины впереди тронулись, Рит выжала сцепление, и мы поехали дальше. Наш короткий разговор закончился.

Раньше мне не доводилось не то что останавливаться, даже просто заходить в «Гранд Шор» – самый большой и дорогой отель города. Когда-то тут устраивали свадьбы и деловые встречи, отмечали значимые городские события. Все это прекратилось еще до начала эвакуации.

Мы заехали на парковку возле главного входа внушительного здания из покрытого сажей красного кирпича.

Пока нас регистрировали, сержант Рит тихонько стояла у меня за спиной. Администратор дал мне подписать две белые карточки – одну на мой номер, а другую на смежный для моей сопровождающей. Портье взял чемодан и повел нас на второй этаж по широкой извилистой лестнице. На стенах висели зеркала и светильники, на полу лежал роскошный ковер, золотая роспись украшала потолочную лепнину, но зеркала давно не чистили, ковер был протертым, а краска на потолке облупилась. Приглушенный звук шагов отдавался смутным эхом тех давних событий, которые нынче остались лишь чьими-то воспоминаниями.

Портье открыл мой номер и вошел. Сержант Рит направилась к своей комнате, вставила ключ в замок и секундой позже скрылась за дверью, даже не взглянув на меня.

Портье, получив чаевые, удалился. Одежда тут же отправилась из чемодана в шкаф. Поездка в поезде заняла весь день, поэтому нужно было принять душ и переодеться. И только потом присесть на край кровати и оглядеть свой выдавший виды гостиничный номер.

Минуты неожиданного уединения вызвали из памяти картины прошлой жизни. В мои планы не входило проводить так много времени в компании незнакомки. Как пройдет этот вечер – в одиночестве или с сержантом Рит? Намерена ли она разделить со мной ужин? Приставлена ли она ко мне на всю поездку, или позднее ей на смену пришлют кого-то другого?

Похоже, с первого момента нашей встречи я надеюсь, что ей не придется ни с кем делить свою обязанность сопровождать меня в поездке. Несмотря на всю ее холодность и на то, что общение наше нельзя было назвать дружелюбным, сержант Рит показалась мне довольно привлекательной. Интересно, какая счастливая случайность, какая цепь событий привели к тому, что ко мне приставили именно эту симпатичную женщину? Как ни удивительно, она напоминала мне одну из моих давних подружек – тот же возраст, цвет волос... Та девушка, Лилиан, была лишь одной из многих, с кем в те годы у меня завязывались мимолетные интрижки. Возможно, если бы мы с сержантом Рит встретились в другое время и при других обстоятельствах, она пополнила бы ряды моих любовниц.

С годами и, надеюсь, с мудростью пришло понимание, что случайные связи почти неизбежно плохо кончаются. Уже много лет меня совершенно не интересовали знакомства на одну ночь и вполне устраивало смиренное воздержание. Сержант Рит, как и Джетра, напомнила мне о прошлом.

Хотелось пить, а в номере напитков не обнаружилось, так что пришлось отправиться в бар. По дороге мне бросился в глаза лифт, не замеченный по пути в номер: табличка на нем гласила, что пользоваться им может только персонал гостиницы. А на главной лестнице в голову пришла мысль – не стоит ли из вежливости позвать сержанта Рит?

На мой стук она ответила сразу, будто ждала за дверью. На ней по-прежнему была полицейская форма, тем не менее она, поблагодарив за приглашение, согласилась немного выпить. Мы вместе спустились вниз.

Входную дверь уже заперли, и свет погасили, но стоило нам позвонить в колокольчик, как тут же появился пожилой официант. Он принял заказ и удалился, а мы устроились за столом, избегая смотреть друг другу в глаза.

– Часто ли вам приходится сопровождать кого-то по работе, сержант Рит? – Надо же было как-то завязать разговор.

– Нет. Сейчас впервые.

– А часто ли вообще людям требуются такие услуги?

– Не знаю. Я служу Монсеньору меньше года.

– Тогда почему вас приставили ко мне?

Она пожала плечами, положила на стол руки и принялась внимательно их изучать.

– У нас составляют расписание дежурств, задания вывешиваются на доске в коридоре, и мы должны вписывать туда свое имя. Я увидела это задание и предложила свою кандидатуру.

Тут вернулся официант с нашими напитками.

– Планируете ужинать сегодня в отеле? – спросил он меня.

– Да. – Было понятно, что нужно говорить за двоих. – Да, мы поедем здесь.

Он ушел, а между нами вновь воцарилось неловкое молчание, позволившее наконец как следует оглядеться. Мы были здесь единственными посетителями, а может, и единственными постояльцами. Мне нравился этот просторный зал старомодной отделки, окна во всю стену и длинные бархатные шторы, тусклый свет люстр и плетеные кресла с высокими спин-

ками, расставленные вокруг низких столов, десятки горшков с цветами – кустистыми папоротниками и высокими комнатными пальмами, создающими впечатление буйства жизни в обветшалом старом здании. Все растения цвели и пахли, не оставляя сомнений, что кто-то за ними ухаживает, поливает и стирает с них пыль.

Моя спутница молчала. На вид ей было чуть за двадцать. Фуражку она с собой не взяла, но форма строгого покроя, призванная лишать человека индивидуальности, отлично справлялась со своей задачей. Сержант Рит совсем не пользовалась косметикой, а ее светлые волосы были собраны в пучок. Стеснительная и необщительная, она, казалось, не замечала моего внимания.

Однако молчание нарушила как раз она.

– Вы хорошо знаете Сивл?

– Когда-то давно – неплохо. А вы?

– Нет. Я ни разу не выезжала из страны.

– Но вы имеете о нем хоть какое-то представление?

– Я слышала, что там довольно пустынно. Горы, растительности почти нет. Весь год холодно, дуют сильные ветра.

– Все не так уж плохо. Не могу сказать наверняка, но вряд ли ландшафт сильно изменился. – Бокал неожиданно опустел, хотя мне казалось, что я растяну его на весь вечер. А все потому, что разговор не клеился. – Впрочем, мне никогда не хотелось туда ездить. Остров меня пугал.

– Почему?

– Обстановка, само настроение... – Где-то в подсознании маячили мысли о семинарии, о тете Алви и ее наводящей тоску спальне, бескрайних болотах, постоянном ветре и брошенных судах. Чужаку было не понять. – Суровое место, но не только в этом дело. Сложно описать. Возможно, завтра сами почувствуете, когда мы туда приедем.

Последняя фраза была сказана специально, чтобы она могла сообщить мне, что завтра ее сменит другой офицер. Она не купилась. Хороший знак.

Вместо этого она сказала:

– Вы прямо как мой брат. Считает, что если дом населен привидениями, он сразу это почувствует.

– О привидениях речи не было. – Мои слова прозвучали слишком быстро, словно оправдание. – Зато вы правы насчет ветра.

Сама Джетра стояла в тени Мышиных холмов, но к западу от города раскинулась широкая равнина, уходящая на север, к подножию далекого Северного хребта. Почти весь год, за исключением нескольких недель в разгар лета, с него на равнину слетал сильный ветер и вырывался в море, завывая на болотах и пустошах Сивла. Лишь с восточной стороны острова, ближайшей к Джетре, раскинулись большие и маленькие деревеньки. Там же располагался и единственный порт.

Весна оставила во мне одно из самых ярких детских воспоминаний о Сивле. Окно спальни выходило на юг, и из него были хорошо видны цветущие розовым, белым и ярко-красным деревья вдоль дорог и бульваров Джетры, а вдаль, в море, лежал остров, по-прежнему, как и зимой, покрытый коркой снега.

Упомянутый сержантом Рит брат стал для меня первой ниточкой, ведущей к ее личной жизни, поэтому мне показалось уместным расспросить о нем. Она сказала, что он тоже служит Сеньории, в пограничной охране, надеется на повышение. Раньше его часть стояла в горах, но недавно их отправили на юг континента. Война до сих пор представлялась чем-то нереальным для тех, кто в ней участвовал, а для тех, кто нет – и вовсе загадкой: гражданские, оставшиеся на севере, полагали, что следить за военными кампаниями сложно, ведь

южные земли им совсем незнакомы и названия городов и других географических объектов для них пустой звук.

По крайней мере, острова пока оставались нейтральными, хотя в моем случае это была палка о двух концах. Если бы Сивл присоединился к Файандленду – а ведь когда-то казалось, что это вполне реально, – поехать туда не составило бы никаких проблем. Однако ничего не поменялось, остров по-прежнему никому не принадлежал и формально считался иностранной территорией.

Новость о смерти Торма добиралась до меня больше месяца. Вместе с ней пришло письмо от отца настоятеля семинарии: мне необходимо как можно скорее приехать в дом дяди и уладить вопросы, связанные с его имуществом. Оба эти послания мне переслали через визовый отдел Сеньории в Джетре. Если бы священники в семинарии знали мой адрес и письмо попало ко мне напрямую, минуя официальные каналы, можно было бы проскользнуть на остров, не привлекая внимания властей. Увы, чиновники узнали о моей поездке и приставили ко мне сопровождающего.

Когда появился официант, сержант Рит как раз слушала мой рассказ об обстоятельствах, что заставили меня совершить эту поездку, – предстояло подписать кое-какие документы, пристроить или выбросить мебель, разобраться, какие из дядиных бумаг стоит сохранить. Официант принес два меню, недвусмысленно намекая, что кухня работает только для нас. Пока мы изучали ассортимент блюд, он задернул на окнах занавески, а затем повел нас по коридору в зал.

Последняя поездка на остров Сивл состоялась, когда мне было четырнадцать лет.

Все мое время и мысли занимали школьные экзамены, и все же из головы не выходила мысль, что в конце недели мы едем навестить моих дядю, тетю и кузину. Стояло лето, и Джетра представляла собой пыльный, страдающий от невыносимой жары город среди полного безветрия. Я сижу в спальне у окна, не в состоянии сосредоточиться на учебе, прилагаю огромные усилия... а взгляд невольно устремляется в сторону моря. Сивл тогда выглядел зеленым, но это был обман зрения, цвести там было нечему.

Ползут дни, а в голове моей крутятся все возможные способы избежать поездки, принятые мной ранее: приступ мигрени, неожиданно разыгравшийся гастрит, а то и вовсе загадочное недомогание, подхваченное от случайного прохожего... все, что угодно, лишь бы отсрочить следующую поездку. Однако день отъезда неумолимо приближается, и нет никакой возможности его избежать. Мы вставали и выходили из дома еще затемно, спеша в холодном свете первых лучей солнца, удивительно красивом в это время года, успеть на первый трамвай.

Зачем мы туда ездили? Если не считать объяснений родителей на совершенно непонятном мне взрослом языке, поездки наши были обусловлены привычкой, чувством вины, вызванным болезнью тети Алви, а также тем, что принято именовать семейными обязательствами.

Дядя Торм и мой отец, казалось, не имели больше ничего общего. Они никогда не вели каких-либо серьезных разговоров, какие обычно ведут взрослые, образованные люди (и мать, и отец, и дядя имели хорошее образование, а вот насчет тети Алви у меня большие сомнения). Новости всегда были устаревшими – банальные семейные события, которые, едва произойдя, тут же теряли свою значимость. Все, о чем говорили эти четверо, касалось семьи и было донельзя банальным: какая-то тетка или кузина переехала или поменяла работу, племянник женился, а двоюродный дед помер. Порой из рук в руки ходили фотографии: вот новый дом кузины Джейн, а это мы, когда ходили в поход в горы, а тут Кисси, дочь вашей золовки, она недавно снова родила. Других тем для разговора они придумать не могли.

Создавалось впечатление, что у них начисто отсутствовало воображение, что они не видели дальше своего носа и даже не допускали, что в жизни существует что-то, кроме их собственного крошечного мирка. Неужели это было так? В то время меня сильно волновали подобные вопросы. После зрелых размышлений мысли мои свелись к тому, что они намеренно опускали себя до столь заурадного интеллектуального уровня, чтобы быть наравне с тетей Алви. Чтобы она думала, что ее образ жизни всеми приемлем, а болезнь не так уж и значима.

Тогда мне казалось, что так оно и есть.

А что же насчет их общего прошлого? Неужели они не могли предаться воспоминаниям? Единственным свидетельством из забытого прошлого была фотография, снятая еще до моего рождения, та, что стояла в гостиной нашего дома. И она не переставала вызывать мой неподдельный интерес. Где и когда был сделан снимок? Кто фотографировал? Был ли этот день таким же счастливым, как казалось по фото, или что-то его потом омрачило? Почему никто из них никогда не заговаривает о тех временах?

Наверняка изменения, произошедшие с ними после того, как был сделан снимок, напрямую связаны с болезнью тети Алви, поглотившей все – и прошлое, и настоящее. Она не могла думать ни о чем, кроме своей боли, всевозможных неудобствах, вызванных недомоганием, лечении, мало что понимающем докторе, таблетках с многочисленными побочными эффектами, отсутствии хорошей больницы и профессиональных сиделок.

Каждый наш визит тетя Алви чувствовала себя немного хуже. Сначала у нее отнялись ноги, появилось недержание, перестала усваиваться твердая пища. Впрочем, ухудшения в ее состоянии происходили медленно. Обычно мы узнавали о них из писем, пришедших между поездками, так что при встрече нас уже не пугали ее исхудавшие руки, выпавшие зубы или осунувшееся лицо. Присущее детям богатое воображение рисовало мне куда более страшные картины, и порой поездки приносили даже что-то вроде разочарования. После стольких часов, проведенных в жутком страхе перед встречей с тетей, меня ждал сюрприз: она выглядела далеко не так плохо! Потом, уже дома, нас опять догоняли плохие новости о ее ухудшающемся состоянии, новых болях и страданиях.

Шли годы, а тетя Алви по-прежнему лежала в кровати, обложенная десятком подушек, со свисающими на плечо волосами, собранными в жидкий хвостик. Она толстела и бледнела; как ни странно, такие изменения всегда происходят с человеком, который лишен любой физической активности и не выходит из дома. Однако дух ее был непоколебим: голос не слабел, хоть и звучал неизменно грустно, пусто и мрачно. Она сообщала о своей боли и страданиях, как о само собой разумеющихся фактах. Она не жаловалась. Она знала, что болезнь прогрессирует и однажды убьет ее, но любила говорить о будущем, пусть даже самом ближайшем: интересовалась, что мне подарить на день рождения или чем я займусь после окончания школы. Для нас она была примером непоколебимого мужества.

В каждый наш приезд тетю Алви обязательно навещал священник. Мне казалось, что из семинарии цинично присылали кого-то только потому, что знали – в доме гостит родня с материка. Священники рассказывали нам, какая она смелая, какой невероятной силой воли обладает и как мужественно несет свой крест. Презрение наполняло меня при виде этих святош в черных сутанах, лицемерно размахивающих холеными руками над тетиной кроватью и благословляющих не только ее, но и меня, и моих родителей. Порой мне думалось, что убивают ее именно священники, что молятся они не за ее здоровье, а желая ей медленной мучительной смерти, и что делают они это с целью доказать своим студентам некую теологическую теорию. Мой дядя не был религиозен, несмотря на работу в семинарии. Однако религия несла надежду, и, чтобы убедить его в этом, священники решили медленно убить тетю Алви.

Время часто искажает воспоминания. Чувства – не факты, а впечатления – не доподлинная информация. И сейчас я знаю обо всем, что происходило, не больше, чем тогда.

Ах да! Наша последняя поездка.

Паром пришел в Джетру с опозданием. Служащий порта сказал нам, что пришлось срочно чинить мотор. В какой-то момент меня посетила надежда, что поездка не состоится. В конце концов, судно все же появилось и медленно причалило к пристани, где, помимо нас, его ждали еще несколько человек. Кто они и зачем ехали на остров, мы не знали.

Стоило парому покинуть порт Джетры, как мне стало казаться, что мы вот-вот подплывем к Сивлу. Прямо по курсу виднелись серые известковые скалы, а чистый морской воздух искажал перспективу, обманчиво приближая землю. До порта острова был час хода, ведь паром должен был выйти далеко в море, чтобы не сесть на мель у мыса Стромб, а потом пройти по глубоководью у подножия скал Сивла. Мне нравилось стоять в одиночестве, выискивая глазами высокогорные болота и ощущая приближение жуткого, до спазма в желудке, страха, вечного моего спутника в этих поездках. Несмотря на то, что солнце быстро вставало, со скал в море дул холодный ветер. Спасаясь от него, мои родители удалились в каюту, оставив меня стоять на палубе в окружении чемоданов, грузовиков с домашним скотом, связок газет, ящиков со спиртным и двух тракторов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.